

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

*Александр
Веселовский*

АКТУАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ
НАСЛЕДИЯ

Исследования и материалы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2011

СОДЕРЖАНИЕ

I

<i>В. Е. Багно, М. Б. Плюханова.</i> А. Н. Веселовский: актуальные аспекты наследия	3
<i>Г. В. Стадников.</i> Теория «встречных течений» А. Н. Веселовского и проблемы национального развития литератур	16
<i>В. И. Еремينا.</i> К проблеме исторической поэтики фольклора	22
<i>О. А. Светлакова.</i> Лекционные курсы А. Н. Веселовского как историко-литературная концепция	35
<i>А. А. Асоян.</i> А. Н. Веселовский и дантология XIX—XX вв.	43
<i>Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева.</i> К источникам книги А. Н. Веселовского о В. А. Жуковском (К. К. Зейдлиц)	62
<i>С. Н. Азбелев.</i> Труд А. Н. Веселовского «Южнорусские былины»: проблемы издания	72
<i>П. В. Дмитриев.</i> Некоторые проблемы современного издания «Декамерона». (Заметки редактора)	79
<i>В. Е. Багно.</i> А. Н. Веселовский как художник слова	88
<i>К. Ю. Лапто-Данилевский.</i> Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике	96
<i>Т. И. Подкорытова.</i> Три варианта отрицательного параллелизма в «Слове о полку Игореве» с точки зрения исторической поэтики	110
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> «Сердечное воображение» как элемент творчества	132
<i>Л. А. Курьешева.</i> Сказка мадам д'Онуа об острове Блаженства в русской рукописной и печатной традиции XVIII в.	160
<i>Н. А. Непомнящих.</i> К истории мотива поваленного дерева в русской литературе XIX—XX вв.	171
<i>Ж. Нива.</i> Гоголь и Руссо: об одном психологическом инварианте	178
	355

<i>Е. В. Кардаш.</i> «Мир, которому есть что сказать о себе». (К вопросу о поэтике литературного мотива)	183
<i>С. Гайжюнас.</i> Образ Прометея в балтийских литературах	204

II

<i>Г. А. Тиме.</i> Первые немецкие впечатления А. Н. Веселовского	210
Неизданная статья А. Н. Веселовского. <i>Публикация К. Б. Егоровой и П. Р. Заборова</i>	219
<i>Л. М. Гонелли.</i> А. Н. Веселовский и Алессандро Д'Анкона .	230
«Настоящий культурный инстинкт». (Переписка А. Н. Веселовского и Д. К. Петрова). <i>Публикация К. С. Корконосенко</i> . .	267
<i>А. А. Игнатъев.</i> А. Н. Веселовский и его окружение в Боровичском крае	310
Из воспоминаний об А. С. Усовой. <i>Публикация П. Р. Заборова</i>	316
<i>Т. Г. Иванова.</i> Два ареста А. А. Веселовского	324
Указатель имен	344

К. Ю. Лаппо-Данилевский

**ТРУДЫ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО
И БАКИНСКИЕ ЛЕКЦИИ
Вяч. ИВАНОВА ПО ПОЭТИКЕ**

Данная статья представляет собой попытку предварительного анализа лекций Вяч. Иванова по поэтике, прочитанных в Бакинском университете (АзГУ) в 1921—1922 гг., в их отношении к идеям А. Н. Веселовского. Основным источником информации об этом курсе являются записи О. Г. Тер-Григоряна, одного из студентов *roetae docti*. Как установил Н. В. Котрелев, курс был дважды повторен — весной 1923 г. и в 1923/24 академическом году.¹ В 1976 г. В. А. Мануйлов передал хранившиеся у него конспекты Тер-Григоряна своей ученице Е. Л. Белькинд для изучения и последующей публикации.² Машинописную копию лекций, требовавшую проверки и уточнений, Мануйлов в 1978 г. переслал в Римский архив Вяч. Иванова через эмигрировавших Г. Е. и А. В. Тамарченко. Именно

¹ См.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Тарту, 1968. С. 327. (Учен. зап. ТГУ. Вып. 209).

² См. «краткое сообщение о построении и общем содержании курса лекций Вяч. Иванова» с публикацией некоторых цитат из них: *Белькинд Е. Л.* Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском гос. университете (1921—1922 гг.) // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 208—214. Мною и Е. Л. Белькинд планируется публикация конспектов 22 лекций Вяч. Иванова по поэтике в полном виде.

к ней восходят цитаты из лекций в иванововедческих статьях А. В. Тамарченко (1986)³ и Е. Г. Эткинды (1992).⁴

Для записей Тер-Григоряна характерны многочисленные уточнения на полях и между строками текста, как карандашом, так и чернилами, — позднейшие вставки, призванные пояснить записанное. Данные пометы возникали, как кажется, и в связи с вопросами аудитории к Иванову, и вследствие обсуждения отдельных положений и терминов самими студентами, и в результате их обращения к справочникам.

Как известно, Вяч. Иванов всегда готов был поделиться своими знаниями о стихе. На основании дошедших до нас разного рода записей можно составить представление и о лекциях в Поэтической академии (1909),⁵ и об обсуждении стихов в московском Кружке поэзии (1920),⁶ и о версификационном аспекте бесед с П. А. Журовым и М. С. Альтманом.⁷

Все же эта картина отнюдь не полна и, видимо, не может быть восстановлена в полном виде — особенно в ее послереволюционной части. Существенным представляется и то, что именно в советское время лекции и семинары по стиховедению и поэтике становятся для Вяч. Иванова частью его профессиональной деятельности и важным источником дохода. Препода-

³ См.: *Tamarchenko A. The Poetics of Vyacheslav Ivanov: Lectures Given at Baku University // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / Ed. by R. L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 83—95.*

⁴ См.: *Эткинд Е. Вячеслав Иванов и вопросы поэтики. 1920-е годы // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. 35 (1—2). Janvier—Juin. P. 141—154.*

⁵ См.: *Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической академии 1909 г. // Новое лит. обозрение. 1994. № 10. С. 89—106.* Деятельность Поэтической академии продолжило Общество ревнителей художественного слова; активное участие в его заседаниях Вяч. Иванова относится к октябрю 1909—маю 1912 г. Отрывочные сведения о его стиховедческих высказываниях, сделанных здесь, можно почерпнуть в отчетах о собраниях Общества, публиковавшихся в периодике («Аполлон», «Русская художественная летопись» и др.).

⁶ См.: «Кружок поэзии» в записи Фейги Коган / Введ. и публ. А. Шишкина // *VIII convegno internazionale: Vjačeslav Ivanov: Poesia e Sacra Scrittura / A cura di A. Shishkin=VIII Международная конференция: Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией / Под ред. А. Шишкина. Salerno; Roma, 2004 (на тит.: 2002). Vol. 2. P. 115—171. (Europa Orientalis. Vol. 21 (2)).*

⁷ См.: *Субботин С. И. «Мои встречи с Вами нетленны...»: (Вяч. Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова) / Новое лит. обозрение. 1994. № 10. С. 209—237; Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост., подгот. текстов В. А. Дымщица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 17—19, 35—37 и след.*

вание в этом новом качестве, по-видимому, было начато поэтом в связи с созданием в апреле 1918 г. по инициативе В. Я. Брюсова и Вяч. Иванова Студии стиховедения при Литературной секции Московского союза учащихся искусству (в помещении Училища М. Н. Геденовой). С конца мая по июль здесь были прочитаны следующие лекции (или же небольшие курсы), сопровождавшиеся практическими занятиями: «Историческое введение в поэтику» Иванова, «Введение в теорию стиха» Брюсова, «Ритмический жест» А. Белого, «Введение в эстетику поэзии» И. Р. Эйгеса, «Душа и слово» М. О. Гершензона.⁸

На службу в культурно-просветительские учреждения советской власти Вяч. Иванов поступил в октябре 1918 г., что подчеркивало его лояльность по отношению к новому строю, освобождало от трудовых повинностей и давало некоторый постоянный, хотя и более чем скромный, заработок. 15 октября 1918 г. поэт был назначен председателем Бюро историко-теоретической секции Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса; в дальнейшем он активно участвовал в деятельности других организаций этого ведомства. По предположению Е. В. Глуховой, в связи с проектом Театрального университета в конце 1918—начале 1919 г. Иванов составил программу «Основы поэтики в связи с теорией сценических искусств», выделив в ней историческую и теоретическую части.⁹

С декабря 1919 по август 1920 г. Вяч. Иванов заведовал Академическим подотделом и был членом Центральной коллегии Литературного отдела (ЛИТО) Наркомпроса, работавшей под председательством В. Я. Брюсова. В 1919—1920 гг. Иванов совместно с П. Н. Сакулиным и А. Е. Грузинским числился со-редактором Отдела литературы и филологии в Первой редакци-

---

⁸ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. М., 2006. Т. 1, ч. 1: 1917—1920 гг. С. 150—151 (здесь же отсылки к откликам в периодике). В руководимой Брюсовым Школе стиховедения (в помещении гимназии Общества преподавателей на Остоженке) Вяч. Иванов прочитал, как минимум, одну лекцию — «Генетическое развитие форм поэзии» (см.: Там же. С. 278).

⁹ См.: Глухова Е. В. Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова» // Рус. лит. 2006. № 3. С. 138. Этот документ был впервые процитирован по автографу, хранящемуся в РНБ, в статье: *Обатнин Г. В.* Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова) // Лотмановский сборник. М., 2004. Вып. 3. С. 389—390. Глухова указывает на машинописный текст программы курса, хранящийся в РГБ (ф. 109, карт. 5, № 9 и 54).

онной коллегии Государственного издательства.¹⁰ Мы располагаем также стенограммой речи Иванова на диспуте «Будущее поэзии» в Политехническом музее 27 апреля 1920 г., в которой он развил ряд своих положений о лирике.¹¹

В данном контексте хочу указать на неопубликованные записи М. П. Малишевского.¹² Они проливают свет на содержание лекций, читанных Вяч. Ивановым в 1920 г. в Литературной студии при Академическом подотделе Литературного отдела Наркомпроса в Москве. Журнал «Художественное слово» сообщал некоторые сведения о начале ее работы — она имела «помимо общепросветительской задачи специальную цель — совершенствовать литературные дарования и готовить деятелей в области литературной критики»; в студию было принято около 100 слушателей; 24 мая к чтению курсов приступили Вяч. Иванов, П. Н. Сакулин, С. В. Шервинский, Ю. И. Денике, М. Н. Петерсон.¹³

Записи Малишевского содержат описание вступительного собеседования 9 мая 1920 г. и краткое изложение трех выступлений Вяч. Иванова перед посетителями студии (5, 12 и 19

¹⁰ См. об этом подробнее: *Берд Р.* Вячеслав Иванов и советская власть (1919—1924): Неизвестные материалы // Новое лит. обозрение. 1999. № 40. С. 305—306 (подглавка «Иванов в Наркомпросе»).

¹¹ В выдержках опубликована Н. П. Крохиной в кн.: Вопросы онтологической поэтики: Потаенная литература. Иваново, 1998. С. 240—242.

¹² См.: Выписки из неопубликованных записей лекций Вяч. Иванова, прочитанных им в студии ЛИТО (Литературного отдела) Наркомпроса в 1920 году в Москве. Записи сделаны одним из студентов студии ЛИТО М. П. Малишевским // ИМЛИ, ф. 55, № 7, л. 1—6 (на последнем листе приведены краткие биографические данные Малишевского). «Выписки» представляют собой плохо выверенную машинопись, сделанную неизвестным лицом с записей Малишевского уже после его смерти; подлинник их, по-видимому, не сохранился. Михаил Петрович Малишевский (5 февраля 1896, Елец—8 марта 1955, Москва) — поэт, переводчик, стиховед. В 1925 г. окончил Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. О его стихологической теории дает представление кн.: *Малишевский М.* Метротоника: Краткое изложение основ метротонической междуязыкой стихологии (по лекциям, читанным в 1921—25 гг. в Высшем литературно-художественном Институте имени Валерия Брюсова, в Московском институте декламации проф. В. К. Сержникова и Литературной студии при Всероссийском Союзе поэтов). М., 1925. Ч. I: Метрика. Ср. отрицательную рецензию Г. А. Шенгели на эту книгу: Печать и революция. М., 1925. Кн. 6. С. 113—114. В 1928 г. Малишевский защитил диссертацию «Материал поэзии как искусства» в Государственной академии художественных наук. Занимался также преподавательской деятельностью, вел литературные и юннатские кружки.

¹³ См.: *Художественное слово.* 1920. № 1. С. 62.

июня того же года). Эти три лекции следует признать непосредственными предшественницами бакинского курса поэтики. В них затронуты темы, получившие более подробное освещение два года спустя: о синкретизме первобытного искусства,¹⁴ о синтетических и аналитических суждениях, об удивлении как «корне» не только философии (Платон), но и поэзии, о заговорных формулах как первых стихах, о ритмической константе, о стихотворениях симметричных и асимметричных и т. п. Необходимо отметить, что информативность записей Малишевского невелика — и в силу их предельной краткости (всего пять страниц), и в силу обилия бросающихся в глаза ошибок и искажений.

Бакинскую «Поэтику» следует признать принципиально отличной от других материалов сходной тематики, ибо речь идет об университетском курсе, хотя и поспешно составленном, но претендующем на систематичность. Все, что связано со стихом — предметом особой любви Вяч. Иванова, — оказывается в них поначалу оттеснено на периферию, давая место вопросам более общим. Невысокий уровень подготовленности студентов побуждал поэта-профессора к доступности изложения, тем более необходимой, что стремление его донести до них материи достаточно сложные нередко выходило за грани пропедевтикума.

Попытаюсь охарактеризовать общую структуру лекций. Их можно, на мой взгляд, условно разделить на четыре части. Я коснусь также некоторых сопутствующих материалов.

1). Первые шесть лекций посвящены наиболее общим темам — определение различных значений понятия «поэтика», соотношение языка и поэзии, проблема звукообраза, поэзия и проза, параллелизм субъекта и объекта и символизм, происхождение поэзии из синкретического действия и превращение ее в чистое искусство.

2). В лекции VII Вяч. Иванов развивает тезис об утрате поэзией утилитарных функций на заре древнегреческой цивилизации, что побуждает его коснуться первых теорий этой «новой поэзии» (Платон, Аристотель) и дать краткое изложение учения о тропах и фигурах. Дальнейшие размышления об античной литературе и о значении для ее развития «красного вымыс-

¹⁴ Приведу, в частности, фразу, которая открывает запись Малишевского, посвященную лекции Вяч. Иванова 5 июня 1921 г.: «Синкретическое искусство — первое, древнее, нерасчлененное, где слиты эпос, лирика, музыка и пляска, драма (этот факт установлен А. Веселовским)» (Выписки из неопубликованных записей лекций Вяч. Иванова, прочитанных им в студии ЛИТО (Литературного отдела Наркомпроса) в 1920 году в Москве, л. 2).

ла» и экстатических видений приводят Иванова к ницшеанской дихотомии аполлинийского и дионисийского начал, и он в течение трех лекций (с VIII по X) излагает собственную концепцию возникновения художественных произведений. При этом Иванов вводит в изложение графические схемы из собственной статьи «О границах искусства» (1913), которую частью цитирует, а частью пересказывает.

3). В лекциях XI—XV Вяч. Иванов излагает свои воззрения на сущность трех основных литературных родов. Подчеркивая близость эпоса и лирики, он обращает внимание на такое переходное явление, как «эпо-лира», т. е. на лиризацию эпоса в новоевропейской литературе. Важным подспорьем оказываются здесь собственные сочинения — экскурс «О лирической теме» (1912) и статья «О существе трагедии» (1912), вошедшие в «Борозды и межи» (1916).

4). Заключительная часть курса (лекции XVI—XXII) посвящена «Учению о художественных приемах поэта», включающему у Вяч. Иванова четыре раздела, — а) учение о стиле; б) учение о композиции и строфике; в) учение об эвфонии; г) учение о ритмике и метрике. Для изложения основ стилистики оказывается пригодной статья 1912 г. «Манера, лицо и стиль», которая дает толчок к рассказу о требованиях «парнасцев» и французских символистов к литературному произведению. При изложении учения о композиции и строфике Иванов неоднократно обращается к книге ценимого им В. М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений», опубликованной как четвертый выпуск «Сборников по теории поэтического языка» (Пб., 1921).¹⁵ Говоря об эвфонии, ритмике и метрике, Иванов выступает, скорее, как поэт, делящийся опытом с младшими по возрасту братьями по перу и дающий им рекомендации, чем как университетский ментор, на долю которого выпало сообщить студентам элементарный запас знаний.

Собственно лекции завершают два паратекста — а) «Попытка уяснения хода критики художественного произведения», характеризующая алгоритм анализа литературных текстов, в основе которого лежит универсальное разделение стилей на романтический и классический (разделение это обосновано подробно в лекции X и проходит лейтмотивом через весь текст курса); б) «Попытка уяснения черт различия стилей аполлонов-

¹⁵ Об истории отношений Вяч. Иванова и В. М. Жирмунского см.: Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Рус. лит. 1990. № 1. С. 200—207; Лавров А. В. В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество. М., 1996. С. 57—63.

цев и дионисовцев», представляющая собой сравнительную таблицу.

С текстом лекций теснейшим образом связан глоссарий, поясняющий 12 употребляющихся в них понятий и содержащий их обозначения на древних и новых языках. Это автограф Вяч. Иванова, сохранившийся в архиве В. А. Мануйлова отдельно от записей Тер-Григоряна.

Если предельно кратко охарактеризовать структуру курса, то нетрудно заметить: Вяч. Иванов довольно скоро (в лекции VII) «сворачивает» в сторону собственной эстетики, чтобы в заключение подробно остановиться на проблемах стиховедения. Особенно интересны в данном контексте первые шесть лекций, в которых с большей или меньшей степенью ясности Вяч. Иванов выражает свое отношение к трем влиятельным в начале XX столетия течениям русской научной мысли, — исторической поэтике Веселовского, «психологической школе» А. А. Потебни, а также набиравшему силу формализму.

Это явствует, например, из его библиографических указаний перед началом лекции II, представляющих собой и сообщение о своих источниках, и рекомендацию слушателям: «После Александра Веселовского нужно отметить харьковские сборники под редакцией Лезина. Ценны работы лингвистического кружка ученых в Москве и Петербурге историческими работами, главным образом в области народной словесности («Поэтика»). Сюда относятся работы Жирмунского»¹⁶ («Поэтика», II, тетр. 1, с. 9—10).¹⁷

Хотя Вяч. Иванов и рекомендовал студентам «Вопросы теории и психологии творчества» как небесполезное издание, из этого отнюдь не следует, что библиотека Бакинского университета обладала всеми его томами. С полной уверенностью можно утверждать, что лишь второе издание первого тома было доступно студентам: к тексту лекции XIX сделаны небольшие приписки — цитаты из статьи К. Тиандера «Исторические перспективы современной лирики».¹⁸ Да и в самом тексте иванов-

¹⁶ Вяч. Иванов имел в виду сборники «Вопросы теории и психологии творчества» (Ред.-изд. Б. А. Лезин. Харьков, 1907—1923. Т. 1—8; т. 1 был переиздан в 1911 г.), а также многочисленные публикации участников Московского лингвистического кружка (1915—1924) и ОПОЯЗа (сер. 1910-х—1920-е гг.).

¹⁷ Здесь и далее ссылки на записи Тер-Григоряна, включающие обозначение «Поэтика» и указание на номера лекций, тетрадей и страницы, приводятся в тексте статьи.

¹⁸ См.: *Тиандер К.* Исторические перспективы современной лирики // Вопросы теории и психологии творчества: (Пособие при изучении теории

ских лекций содержатся прямые отсылки лишь к работам, опубликованным в первом томе «Вопросов теории и психологии творчества», — а именно к двум статьям Д. Н. Овсянко-Куликовского¹⁹ и одной работе Б. А. Лезина.²⁰

Вяч. Иванов прекрасно осознавал неоднородность этого издания, объединившего под одной обложкой труды представителей двух академических школ — потебнианцев и последователей А. Н. Веселовского. Вторая группа ученых была представлена в первом томе именами Тиандера, автора нескольких статей, и Е. В. Аничкова, автора публикации «„Историческая поэтика” Веселовского».²¹ Прямых отсылок к их работам у Иванова нет; думаю, это объясняется как отсутствием существенных расхождений с ними,²² так и необычайно интенсивным использованием в лекциях самой «Исторической поэтики» Веселовского.

Сложнее дело обстояло с Потемней и его учениками, тем более что ряд их исходных положений был Вяч. Иванову не чужд. Так, он сам сочувственно цитировал в статье «Наш язык» (1918) утверждение В. Гумбольдта о том, что язык является «энергией» (деятельностью). То же высказывание неоднократно повторяется и в трудах Потемни, и в сочинениях его последователей на страницах «Вопросов теории и психологии

словесности в высших и средних учебных заведениях) / Ред.-изд. Б. А. Лезин. Харьков, 1911. Т. I. 2-е изд., переработ., значительно доп. С. 244—290. Статья отсутствует в первом издании тома.

¹⁹ См.: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* 1) Из лекций об «основах художественного творчества» // Там же. С. 1—19; 2) Лингвистическая теория происхождения и эволюции поэзии // Там же. С. 20—32.

²⁰ *Лезин Б. А.* Художественное творчество как особый вид экономии мысли // Там же. С. 202—243.

²¹ *Аничков Е. В.* «Историческая поэтика» Веселовского // Там же. С. 244—291.

²² Релевантной для бакинских лекций следует признать не упомянутую в них монографию Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (СПб., 1903—1905. Ч. 1—2), ибо Вяч. Иванов помимо всего прочего развивает в «Поэтике» идею возникновения поэзии из потребности. Ср. мнение поэта об этом положении в его статье об Аничкове в т. 2 «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона: «А(ничкову) удаётся в „Весенней песне” на конкретном материале утвердить новое, от Гюйо, Грооса, Бюхера идущее воззрение на происхождение искусства. По этому воззрению, искусство возникло не из игры (как со времени Канта думали Шиллер, идеалистический эстетик, а также Спенсер и отчасти сам Веселовский), но из практической потребности» (в словаре статья появилась в сокращенном виде; здесь цитируется полный текст, опубликованный М. Д. Эльзоном: Рус. лит. 1993. № 2. С. 195).

творчества». Его приводит и Иванов в лекции II как мысль Гумбольдта, повторяемую Потебней. Расхождения же касаются, скорее, не Потебни, а его последователей. Укажу здесь лишь два наиболее важных пункта: Иванов не принимает пресловутого «мышления образами», поднятого потебнианцами на щит, и столь же бескомпромиссно отвергает развиваемый ими тезис о том, что «цель поэтического языка — экономизация».²³

В этой ситуации особенно знаменательно, что имя Веселовского воистину открывает лекции — уже во втором абзаце лекции I, касаясь различных значений термина «поэтика», Вяч. Иванов упоминает «историческую поэтику» как новую научную дисциплину, основанную Веселовским («начало ей положил Александр Веселовский»), и так характеризует ее сущность: «Историческая поэтика изучает генеалогию и эволюцию поэзии, изучает требования для того или иного рода произведений в данную эпоху, она должна раскрыть сущность поэзии» («Поэтика», I, тетр. 1, с. 2).

Коснувшись теоретической поэтики, Вяч. Иванов явно солидаризируется с методами поэтики исторической: «Найти можно много определений для поэзии, но поэзия неуловима; поэзия есть, она должна быть раскрыта, она проявляется как вечно сущая стихия в различных формах; историческая поэтика должна раскрыть сущность поэзии, поэзию можно определить так: „Совокупность поэтических проявлений называется поэзией” = „Совокупность проявлений, относящихся к поэзии, называется поэзией”» («Поэтика», I, тетр. 1, с. 4—5).

Именно приверженность историческому взгляду на феномен поэзии придает особую весомость понятию «звукообраза», в основе своей полемичного по отношению к потебнианству и играющего в последующих построениях поэта важнейшую роль. Я имею в виду как выступление «Пушкин и формальная поэтика» 9 июня 1924 г. на Литературной секции Российской Академии художественных наук в Москве,²⁴ так и статью «К проблеме звукообраза у Пушкина» (1925).

В лекциях дано следующее определение звукообраза: «Сочетание образа предмета с определенным звучанием, т. е. звукообраз, есть основа языка, его первое ядро; но этот же звуко-

---

²³ См. в первую очередь начало статьи Б. А. Лезина «Художественное творчество как особый вид экономии мысли», где отстаиваются эти идеи (Вопросы теории и психологии творчества: (Пособие при изучении теории словесности в высших и средних учебных заведениях). Т. 1. С. 202).

²⁴ См.: *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме) // Рус. лит. 1992. № 1. С. 181.

образ есть первая ячейка поэтического организма, — таким образом, начальный язык есть язык поэтический и начало языка совпадает с началом поэзии» («Поэтика», I, тетр. 1, с. 6).

Понятие «звукообраза» не является изобретением Вяч. Иванова и восходит к В. Вундту с его «Lautbild», т. е. «связанностью звуковой формы ряда слов с неакустическими (зрительными и др.) представлениями, лежащими в основе их значения».²⁵ Представляется, что одним из первых в России воспринял этот термин А. Белый, причем непосредственно из первоисточника, — в его статье «Магия слов» (1909) речь идет о «звуковых символах», трактовка которых в высшей степени близка тому, что Вундт понимал под «звукообразами» («Lautbilder»)²⁶ Интенсивная разработка проблематики, связанной с ритмикой и звуковым составом стиха, была продолжена А. Белым во второй половине 1910-х гг. как в многочисленных докладах, так и в печатных выступлениях.²⁷

Сходные идеи, впрочем без опоры на современные ему научные авторитеты, находим и в книге К. Бальмонта «Поэзия как волшебство» (1915). Поэт подчеркивал в ней, что «стих вообще магичен по существу своему, и каждая буква в нем — магия». Эта исходная посылка позволила Бальмонту развить целое учение о значениях различных звуков, распахнуть галерею образов, с ними изначально сопряженных. При осмыслении лексического уровня поэзии Бальмонт опирается на мнения двух античных философов — Гераклита и Демокрита. Первый полагал, что «слова суть тени вещей, звуковые их образы», второй утверждал, что «слова суть живые изваяния». Сам Бальмонт не видит здесь противоречия; для него всякое слово — «тень первомысли» и одновременно «звуковое изваяние», которое должно «явить свой сокровенный голос и заговорить». Это возможно лишь в случае, если читатель или слушатель проникнется его волшебством, «первичной заревоу силой чарования».²⁸

²⁵ К Вундту восходят также понятия «звукового движения» («Lautbewegung») и «звукового жеста» («Lautgebärde»), употребительные в работах русских формалистов. Со вторым из них, кажется, генетически связан и «ритмический жест» А. Белого.

²⁶ См.: *Белый А.* Символизм: Книга статей. М., 1910. С. 430 и след. Ср. также рассуждения писателя о зарождении «неразлагаемого, синтетического смысла» на уровне звукосокращений (*Белый А.* Жезл Аарона: (О слове в поэзии) // Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. С. 160—161).

²⁷ О пристальном интересе Вяч. Иванова к идеям А. Белого именно в эту пору см. в указанной выше статье Е. В. Глуховой.

²⁸ *Бальмонт К. Д.* Поэзия как волшебство. М., 1915. С. 54—55.

Большой известности термина «звукообраз» в России способствовал Ф. Ф. Зелинский, поместившей обширное приложение «Вильгельм Вундт и психология языка» в своей книге «Из жизни идей» (1911).²⁹ Здесь он подробно излагал и критически анализировал главный труд Вундта «Völkerpsychologie».³⁰ Именно изложением Зелинского активно пользовался Виктор Б. Шкловский в статье «О поэзии и заумном языке» (1916).³¹ В обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1922) Вяч. Иванов, как известно, критически анализировал эту работу Шкловского.

Если Шкловский, опираясь на Вундта, рассуждает о «звуковых образах» и подчеркивает стремление поэтов к употреблению «заумных, ничего не значащих слов», делая тем самым упор на фонетическую сторону, то Вяч. Иванов спешит подчеркнуть нерасторжимость «звукообраза», его двусоставное присутствие в мифе, слове, поэзии (4, 643).³²

В бакинских лекциях определение «звукообраза» влечет, однако, за собой критику не по адресу Шкловского, но по адресу Потебни, а точнее его учеников, сделавших фразу: «Поэзия есть мышление образами» — одним из своих девизов и в сущности приписавших ее учителю. При этом критика символиста Вяч. Иванова оказывается родственной претензиям формалиста Шкловского: «Потебня строит свои теории языка и поэзии на допущении, что мышление поэта есть мышление образами. Теперь эта теория поколеблена, сводить всю поэзию на образность нельзя, до образа был звукообраз. Поэзия есть не только обращение поэта к образам, — поэзия есть обращение поэта к стихии родного языка, без всякой цели, из любви к языку» («Поэтика», I, тетр. 1, с. 7—8).

Уже из краткого обзора лекции I очевидна высокая степень солидаризации с Веселовским. В связи с этим неизбежно возникают следующие вопросы: была ли она результатом тщательного изучения работ Веселовского или просто изъяснением

---

²⁹ См.: Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. СПб., 1911. С. 151—221.

³⁰ Wundt W. Völkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgeschichte von Sprache, Mythos und Sitte. Leipzig, 1900 (2-е изд. 1904).

³¹ См.: Шкловский В. О поэзии и заумном языке // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916. Вып. 1. С. 1—15 (о понятии «звукообраза» в трактовке Вундта и Зелинского — с. 4—5). Статья Шкловского была перепечатана в сборнике «Поэтика» в 1919 г.

³² Здесь и далее ссылки на брюссельское собрание сочинений Вяч. Иванова (1971—1987. Т. 1—4) даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

уважения? какие работы выдающегося ученого и как использовались Ивановым?

Как известно из собственных примечаний Вяч. Иванова к «Rosarium»'у, «Поэтика розы» Веселовского была для него одним из важных источников вдохновения при создании этого раздела «*Cog Ardens*» (1911; 2, 812—813) — в примечаниях к пяти стихотворениям Иванов приводит цитаты из Веселовского с целью облегчить понимание его замысла. Востребованными в «Rosarium»'е оказываются и научные труды Е. В. Аничкова,³³ ближайшего ученика Веселовского, с которым Иванова связывала многолетняя дружба.

В статье «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (1914) Вяч. Иванов подчеркивал религиозную сущность «синкретического действия» и сочувственно упоминал мнение Веселовского о нем как о колыбели «искусств, впоследствии разделившихся: драмы, лирики, эпоса, орхестики и музыки» (3, 167). Веселовский оказался важным союзником Иванова в борьбе за «всенародное искусство», ибо именно он впервые охарактеризовал «синкретическое действие», в котором, по мнению поэта, «естественно и вольно осуществляется искомый нами с такою рационалистическою надуманностью синтез» (3, 167).

Возвращаясь к лекциям по поэтике, отмечу, что влияние Веселовского особенно ощутимо в лекциях IV, V и VI, посвященных связи психологического параллелизма и символизма, прамифу и обряду, первобытному анимизму, синкретизму и оргиазму.

Для лекции IV наиболее значимой оказывается статья «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (1898).³⁴ В этой лекции, начав с пересказа одного из тезисов Веселовского о параллелизме как о сопоставлении двух или нескольких предметов по признаку действия, Вяч. Иванов переходит во втором абзаце к дословной цитации.³⁵ Затем Иванов подхватывает мысль об анимизме, изложенную в начале статьи Веселовского «Психологический параллелизм...», и указывает на значение анимизма для возникновения «чувства соответствия между предметами в древности». Идея возникновения символизма из параллелизма, выска-

³³ См. об этом подробнее: *Доценко С. Н.* О фольклорных источниках стихотворения Вячеслава Иванова «*ΡΟΣΑΛΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΝΙΚΟΛΑΟΥ*» // Рус. лит. 2006. № 3. С. 108—114.

³⁴ *Веселовский А. Н.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1: Поэтика (1870—1899). С. 130—225.

³⁵ Там же. С. 131.

занная Веселовским,³⁶ варьируется Ивановым в упрощенном виде: «Первоначально сопоставляются два образа; если из сопоставления двух образов устранить один образ, получим символ. (...) Если дан лишь один образ, другой уже не упоминается, мы имеем чистый символизм» («Поэтика», IV, тетр. 2, с. 23).

Эта идея, даже в упрощенной, пропедевтической редакции, заметно увлекает лектора, объявляющего символизм «приглашением к творчеству»: «Символизм приглашает нас к творчеству, он не отвечает сам на заданный вопрос, предлагая нам самим восстановить подразумеваемые образы» («Поэтика», IV, тетр. 2, с. 23).

Приводимый далее пример уподобления «молодой жены» персиковому дереву в китайском стихотворении, как и краткие суждения о значении иносказания для заговора, свадебных песен, загадок, восходит в конечном счете также к Веселовскому («Поэтика», IV, тетр. 2, с. 23—25).³⁷ Отталкиваясь от них, Иванов завершает лекцию изложением собственных идей о прамифе, поэзии, обряде и этиологическом мифе, чтобы вернуться к мысли Веселовского об анимизме и объявить его основой поэзии («Поэтика», IV, тетр. 2, с. 28).

В лекции V мы имеем дело не столько с цитацией и пересказом положений Веселовского, сколько с развитием идей самого Вяч. Иванова, опирающегося на факты и соображения своего предшественника. Так, Иванов начинает с характеристики двух видов символизма — развертывающего и свертывающего. Исключительно продуктивной оказывается идея Веселовского об изображении желаемого в поэзии, развиваемая на почти сорока страницах в «Трех главах исторической поэтики» (1899) и в пересказе Иванова сжимающаяся до нескольких абзацев. Из этого же сочинения, по всей видимости, были заимствованы характеристики ряда научных концепций.³⁸

Особенно востребованными оказываются «Три главы исторической поэтики» в лекции VI; три первых обширных ее абзаца в сущности представляют собой крайне сокращенный пере-

³⁶ Там же. С. 157.

³⁷ Там же. С. 190 и след.; ср. также с. 180—181, 205—206.

³⁸ Речь идет о кратком изложении ономапоэтической теории Г. Штейнтала, суждений Г. Спенсера об экономизации, утверждений К. Бюхера о возникновении ощущения ритма в процессе труда и о том, что первую ритмизованную речь человека является рабочая песнь (Там же. С. 439—441, 441—445, 577). Справедливости ради следует отметить, что эти вопросы постоянно дискутировались на страницах различных томов «Вопросов теории и психологии творчества».

сказ отдельных положений этого труда.³⁹ Появление имени Веселовского объясняется тем, что Вяч. Иванов не просто импортирует его суждения, но и смещает акценты, вводит собственные примеры (главным образом из греческой архаики). Иванов, например, подчеркивает оргиазм адониев («Поэтика», VI, тетр. 3, с. 41), настаивает на связи амебейности и строфизма и пр. («Поэтика», VI, тетр. 3, с. 42). В частном пункте об «эпо-лире» Иванов отмечает, что не согласен с Веселовским и почти вступает в полемику с ним: «Начало эпоса Веселовский рисует как эпический речитатив с лирическими порывами; начало эпоса в синкретическом действе не эпос, а эпо-лира; очень древние остатки эпоса суть образцы эпо-лиры» («Поэтика», VI, тетр. 3, с. 43).

Общие положения Веселовского (о разложении синкретического обряда, о целях мимического действия) Вяч. Ивановым сомнению не подвергаются,⁴⁰ что выражается, как и ранее, во включении цитат из Веселовского в текст лекций без каких-либо оговорок.⁴¹

Подведу некоторые итоги.

Интенсивное перечитывание трудов Веселовского происходит в Баку в силу внешних причин — Вяч. Иванов стоял перед необходимостью в краткий срок подготовить пропедевтический курс для своих студентов. При этом он опирался в первую очередь на свой преподавательский опыт 1918—1920 гг.

И в московских, и в бакинских лекциях трудам Веселовского было уготовано почетное место, что объясняется отсутствием значительных расхождений между Веселовским и Вяч. Ивановым во взглядах на синкретическую стадию и ее особенности. Это сходство, думаю, было вызвано тем, что воззрения Иванова на этот период в истории искусства формировались

---

³⁹ Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 277, 237 и след.; ср. также с. 257, 310, 307, 354—355, 368.

⁴⁰ На них ссылается Вяч. Иванов в важнейшем тексте бакинского периода — книге о Дионисе и прадионисийстве. Здесь, в отличие от своих более ранних статей, поэт писал о «глубоких и неизгладимых следах», которые синкретическое искусство оставило «как в нерасторжимом соединении поэтического слова с музыкой и пляской, так и в многообразных проявлениях закона „амебейности“ (антифонии, респонсии, альтернатици)»; как и в лекциях по поэтике, Вяч. Иванова особенно интересует генезис лирики, эполиры, эпоса, драмы (см.: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 221—222).

⁴¹ В лекции VI в связи со следами амебейности в «Песни о Роланде» содержится отсылка к статье «Эпические повторения как хронологический момент» (см.: *Веселовский А. Н.* Собр. соч. Т. 1. С. 109).

в свое время под прямым или косвенным влиянием именно Веселовского.⁴²

Труды выдающегося ученого-компаративиста стали прочным фундаментом, на котором Вяч. Иванов смог возвести в 1922 г. здание своего пропедевтикума, призванного прежде всего (не стоит закрывать на это глаза) популяризировать его собственную эстетику и стиховедческие знания.

⁴² Отмечу в связи с этим, что в списке книг, отразившем состав московской библиотеки поэта к 1920 г., сочинения А. Н. Веселовского представлены весьма неплохо: литографированный курс лекций «История всеобщей литературы» (1880 или 1883), «Петрарка в поэтической исповеди „Canzoniere“. 1304—1904» (1904 или 1905), речь «Пушкин — национальный поэт» (1899), а также первые четыре тома «Собрания сочинений» (см.: *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // VIII convegno internazionale: Vjačeslav Ivanov: Poesia e Sacra Scrittura / A cura di A. Shishkin = VIII Международная конференция: Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией / Под ред. А. Шишкина. Vol. 2. P. 240, 395, 308).